

ОСОБЕННОСТИ УСТНОГО БЫТОВАНИЯ АНЕКДОТА

Бережной В.А., аспирант

Запорожский национальный университет, ул. Жуковского, 66, г. Запорожье, Украина

legeartis7@gmail.com

В статье анализируется специфика устного функционирования анекдота. Выделяются основные требования, выдвигаемые при рассказывании к адресату и адресанту, особенности их взаимодействия. Делается вывод о зависимости комического эффекта анекдота в устном бытовании от характеристик как рассказчика, так и слушателя.

Ключевые слова: анекдот, фольклор, устное бытование, адресат, адресант, фоновые знания.

ОСОБЛИВОСТІ УСНОГО ПОБУТУВАННЯ АНЕКДОТА

Бережной В.А.

Запорізький національний університет, вул. Жуковського, 66, м. Запоріжжя, Україна

У статті аналізується специфіка усного функціонування анекдота. Виокремлюються основні вимоги, що висувуються при розповіді до адресата й адресанта, особливості їхньої взаємодії. Робиться висновок про залежність комічного ефекту анекдота в усному побутуванні від характеристик оповідача і слухача.

Ключові слова: анекдот, фольклор, усне побутування, адресат, адресант, фонові знання.

FEATURES OF THE ORAL EXISTENCE OF THE JOKE

Berezhnoi V.A

Zaporizhzhya National University, Zhukovsky str., 66, Zaporizhzhya, Ukraine

The article systematizes the existing work of researchers about the features of the oral functioning of the joke, resulting in conclusions about the specifics of verbal existence of the genre.

Attention is focused on the characteristics of the recipient and the sender in the performance and perception of the text, as well as on the characteristics of their interaction.

It is noted that the sender must beat theatrical joke (with gestures, facial expressions, intonation, rhythm, speech characteristics of the characters), submit Pointe precisely, concisely and succinctly (so that the listener did not guess prematurely than the anecdote ends), convey accurately and fully all the necessary parts at varying irrelevant details. It is emphasized that the narrator must adapt the text, if it is necessary, to the peculiarities of the audience and situation (or add to his comment, which is to be located, preferably, before the text), take into account age, sex, social status, sense of humour and the recipient's level of formation of his aesthetic sense, on which the method of selection and adaptation of target texts in the process of storytelling depend. It is noted that in the absence of adaptation of a joke the recipient might accept the text negatively or will not understand it at all.

Attention is focused on the fact that the sender must be able to laugh over others as well as over himself, to select the original, the new texts that were not known to a specific audience. The image of the narrator is analysed, it is emphasized that the audience needs to relate to the narrator as to the joker in order to perceive the joke more easily, naturally.

It is noted that the recipient must have the background knowledge, which includes familiarity with the cultural and socio-political realities, constructing models of the joke and features of the main characters, knowledge of the language, on which the text is reproduced.

It is emphasized that the match in the assessments of the situation is desirable in the relationship between the addressee and the sender, as well as linguistic, cultural, age, social, gender, psychological and empathic identity.

Attention focuses on the fact that the features of the process of telling a joke are not limited to the sum of the characteristics of the conversation and its participants, as the fact of joint laughter shows a certain unity and a certain type of communication.

Key words: joke, folklore, oral existence, addressee, sender, background knowledge.

В последние десятилетия анекдот как жанр фольклора активно осваивает новые формы бытования (помимо традиционной устной): письменную, аудио-, видео-, интернет-функционирование, в связи с чем происходят изменения в жанре. Чтобы выяснить характер этих изменений, необходимо систематизировать особенности устного бытования анекдота.

Ученые исследуют некоторые аспекты устного функционирования жанра: черты рассказчика, сходные с чертами трикстера [1], необходимость фоновых знаний адресата [2], идентификация исполнителя и слушателя [3], [4], варианты реакции адресата на уже известные тексты [5] и т. д.

Цель статьи – систематизировать существующие концепции специфики устного функционирования анекдота, акцентируя внимание на требованиях, выдвигаемых при рассказывании к адресату и адресанту, а также особенностях их взаимодействия.

Достижение комического эффекта анекдота во многом зависит от взаимодействия рассказчика (адресанта) и слушателя (адресата) в процессе исполнения и восприятия текста. О.В. Смолицкая называет этот процесс перформансом [6]. Исследователи отмечают, что совместный смех представляет собой некий ритуал, и анекдот в этом случае – лишь повод (см. [7, с. 144]). Процесс со-переживания характерен для устного функционирования фольклорных произведений, С. Ю. Неклюдов говорит в этом случае об «активно-коллективной» форме трансмиссии [8, с. 9].

Рассказывание анекдота и достижение необходимого эффекта (смеха или хотя бы улыбки) в значительной степени мотивировано не только желанием рассказчика поделиться знаниями и оценками, но также возможностью и готовностью слушателя адекватно воспринять эту информацию. К тому же, в процессе рассказывания слушатель и сам может периодически выступать в роли рассказчика.

Хороший рассказчик, как отмечают исследователи, должен обладать чертами трикстера: смеяться как над другими, так и над собой, пренебрегать нормами приличия, но при этом удерживаться от откровенной пошлости и т. д. (см.: [1], [9, с. 36–37]).

От умения рассказчика зависит и воспроизведение таких средств создания комического эффекта, как жесты, мимика, интонация, ритм, речевые характеристики персонажей (акцент, дефекты речи и т. д.), которые порой вызывают больший смех, чем вербальная составляющая [10, с. VI; 11]. При рассказывании текстов, относящихся к черному юмору, интонация, мимика рассказчика указывают на несерьезность описываемых ситуаций и ориентируют на то, чтобы не принимать описываемое близко к сердцу [12, с. 124].

В некоторых текстах невербальные составляющие важны даже для понимания смысла, напр.:

Значит, сидят две жабы на болоте. Одна другую спрашивает:

- *А тебе дождь за губу не капает?* (произносится с оттопыренной нижней губой)
- *А-а* (произносится с оттопыренной верхней губой, при этом рассказчик покачивает головой в знак отрицания).
- *А мне капает* (произносится с оттопыренной нижней губой) [13].

Рассказчику важно также точно, сжато и лаконично подать пуанту, т. к. при растянутом воспроизведении концовки слушатель сам догадается, чем анекдот заканчивается, а при видоизменении вполне может исчезнуть «соль» анекдота. В результате этого комический эффект будет потерян.

При требовании точного воспроизведения пуанты за рассказчиком остается право на варьирование остальных частей текста (вариативность – одно из качеств фольклора). Адресант рассказывает анекдот так, как понял и запомнил его сам. При этом он может дополнять текст подробностями или, наоборот, сокращать их. А.Т. Аверченко еще в нач. XX в. отметил, что рассказчику анекдота важно не только избежать ненужных подробностей, но и суметь точно и в полном объеме передать все необходимые детали [14].

Рассказчик соотносит рассказывание анекдота с особенностями аудитории. Текст будет полноценно воспринят только в том случае, если адресат обладает необходимыми фоновыми знаниями: знаком с культурными и общественно-политическими реалиями, моделями построения анекдота и функциями основных персонажей, хорошо владеет языком, на котором воспроизводится текст (особенно если анекдот основан на языковой игре) и т. д. [2, с. 40]. Для обозначения фоновых знаний о конкретных персонажах Е. Курганов использует термин «память цикла». Механизм действия этой «памяти» заключается в том, что при воспроизведении анекдота возникает определенная эмоционально-психологическая атмосфера, связанная в памяти адресата с циклом, к которому относится воспроизводимый текст [15, с. 54].

В случае отсутствия или неполного наличия необходимых фоновых знаний у адресата, рассказчик воздержится от воспроизведения текста, постарается изменить/приспособить его или дополнит комментарием. Впрочем, необходимость комментария, пояснения при рассказывании анекдота нередко приводит к коммуникативной неудаче [16, с. 119]. Поэтому такой комментарий (если он необходим) подается перед рассказыванием анекдота (вопросы внутрижанровой вариативности и в частности культурной адаптации рассматриваются в книге Е.Я. Шмелевой и А.Д. Шмелева «Русский анекдот: Текст и речевой жанр» [17, с. 113–122]).

Учитывается возраст, пол, социальное положение, от которых зависит самоцензура адресанта (пошлые тексты не будут воспроизводиться в присутствии женщин, дети не будут рассказывать взрослым нецензурные анекдоты и т. д.).

В.А. Поздеев и Е.В. Козлов в качестве одного из видов идентификации рассказчика и слушателя (помимо языковой, культурной, возрастной, социальной, гендерной, психологической) выделяют дополнительно эмпатию («эмоциональную отзывчивость») – стремление понять другого человека не через рациональное осмысление его проблем, а путем эмоционального отклика на его чувства, переживания [3, с. 261].

Адресанту необходимо учитывать также чувство юмора адресата (владение традиционными приемами восприятия смеховых текстов [18, с. 90]) и его эстетический уровень, в противном случае анекдот будет воспринят как грубый, плоский, пошлый, примитивный и т. п. [4].

Немаловажную роль играет имидж адресанта. Анекдот от человека, имеющего в коллективе статус шутника, анекдотчика, будет воспринят естественнее, и потому легче, чем от серьезного человека.

Если адресант неверно учитывает какой-либо из вышеприведенных факторов, это может привести к коммуникативным неудачам, одна из которых описана в рассказе Тэффи «Святой стыд»: рассказчик вызывает неудовольствие у части публики и считает, что виной этому – несоблюдение им этического и эстетического принципа (анекдот рассказан при дамах из высшего общества), на самом же деле причина в том, что он упустил и/или перепутал некоторые ключевые моменты в текстах [19].

Важна также оригинальность, новизна содержания анекдота, в противном случае текст вызовет негативную реакцию. Рассказывание «бородатого» анекдота может восприниматься как неуважение к участникам беседы, как низкая оценка их культурного уровня и степени осведомленности. Уже известный текст может вызвать раздражение из-за обманутого ожидания (метатекстовый ввод ориентирует на то, что следующий за ним текст принесет удовольствие, а сам анекдот оказывается уже известным и потому не смешным). Д.А. Радченко анализирует различные виды реакции на «бородатый» текст: от «комфортного» (улыбка, вежливый смех и т. д.) до «протестного» (сообщение о том, что анекдот уже известен; завершение концовки самим слушателем; использование

специфических фраз и/или жестов: «Борода длиннее, чем у Льва Толстого», указание ладонью уровня длины бороды и т. п.) [5].

От адресанта зависят (порой на бессознательном уровне) ассоциации, по которым анекдот будет введен в беседу (на что указывают и такие метатекстовые вводы, как, напр., «А вот, кстати, анекдот на эту тему...»). С помощью ассоциативного введения в беседу анекдот по-своему интерпретирует ее предмет, по-новому освещает, уточняет и углубляет его (см. [15, с. 8–10]). Такие ассоциации не всегда до конца понятны не только адресату, но и самому адресанту. Важную роль играют и ассоциации, возникающие у слушателя. Если он обнаруживает в анекдоте параллели со своим негативным жизненным опытом, то такой текст вызывает не комический эффект, а непонимание или обиду. Исходя из этого, О.Н. Кожемякина выделяет в культуре смеха такие важные принципы, как «Не навреди», «Не обидь» и «Не оскорби» [20, с. 180]. Так, исследователи отмечают, что в анекдотах заключенных Сиблага лагерная тематика занимает весьма незначительное место, вероятно, во избежание воспроизведения травматического опыта [21, с. 56].

Следовательно, важно совпадение в системе оценок ситуации (описываемой в анекдоте) между адресатом и адресантом [16, с. 120–121]. Для определения этого аспекта (в социокультурном, но не в психофизиологическом плане) можно применить классификацию типов функционирования клишированных фраз, разработанную Т.М. Николаевой и И.А. Седаковой: а) свое для своих, б) чужое для своих, в) свое для чужих, г) чужое для чужих [22]. При воспроизведении своего для своих будет достигнут эффект максимального понимания и принятия (напр., анекдоты субкультур, рассказанные внутри этих сообществ). Такие анекдоты не транслируются людям из чужого круга (т. к. это нарушает имидж «своих»), и будут враждебно восприняты от посторонних (чужое для чужих). К примеру, анекдот о компьютерных реалиях (особенно со специализированной лексикой) не будет полноценно воспринят программистом, если его рассказывает, к примеру, филолог (свое для чужих).

Н.В. Фомичева выделяет две стратегии удачного рассказывания анекдотов: «Ты такой, как я, а не такой, как те, о ком речь в анекдоте» и «Анекдот о нас с тобой» [23, с. 51]. Соответственно, стратегии «Ты не такой, как я, а такой, как те, о ком речь в анекдоте» (свое для чужих) или «Я не такой, как ты, а такой, как те, о ком речь в анекдоте» будут восприняты с непониманием или негативно.

В то же время, переходя из одной среды в другую, текст может приобретать иные смысловые доминанты. М.А. Мельниченко отмечает, что анекдот, сочиненный в период НЭПа как антисоветский, попадая в просоветскую среду, мог становиться «революционным орудием» и сигналом к очищению системы от негативных черт [24]. Таким образом, один и тот же анекдот в разных ситуациях может оказаться не только удачным или неудачным, но и совершенно по-разному быть воспринят:

– *Что такое еврейский анекдот?*

– *Веселье для еврея, пособие для антисемита* [25].

Конкретный текст анекдота не только зависит от темы беседы (как показано выше), но и сам может эту тему создавать. Например, рассказанный анекдот о Вовочке может спровоцировать пересказ воспоминаний одного из собеседников о собственных школьных годах.

Анекдот очень чутко реагирует на темп и прагматику общения, подстраиваясь под них. Так, Е. Курганов выделяет особенности функционирования жанра в трех типах диалога: 1) в торопливом обмене репликами анекдот лишь упоминается, или из него приводятся 2–3 ключевые фразы (как правило, взятые из пуанты); 2) в «болтовне» текст разворачивается более подробно, помогая диалогу стать более ярким, острым, разнообразным; 3) в беседе

(неторопливой) анекдот воспроизводится максимально подробно и обстоятельно [15, с. 21–25].

Ключевые фразы из анекдотов используются в качестве прецедентных феноменов не только при быстром обмене репликами, но и в том случае, когда адресант считает, что текст уже известен публике и достаточно воспроизвести лишь одну его часть (непрерывно в сходной ситуации), чтобы вызвать в памяти адресата (адресатов) весь текст и, соответственно, связанную с ним смеховую реакцию. О.В. Смолицкая называет этот процесс напоминанием [6], а А. Лендвай – «фразеологизацией» анекдота [26]. Фраза может вводиться самостоятельно или с метатекстовым вводом, обобщающим ситуацию в анекдоте и/или «привязывающим» текст к ситуации, актуальной для собеседников, напр. «Добровольно и с песнями», «А глаза начитанные-начитанные», «У тебя все права, как в том анекдоте», «Его, как Штирлица, неудержимо рвало на родину», «Я могу сказать как поручик Ржевский: “Молчать!”» [6; 26–28]).

Е.Я. Шмелева, А.Д. Шмелев отмечают, что напоминание анекдота заключается в приведении фразы, не просто отобранной из всего текста, но и нередко трансформированной: настоящее время глаголов в ней может заменяться на прошедшее, прямая речь персонажей заменяться косвенной, речевая маска персонажа игнорироваться и т. д. [28]

С.М. Пилипчук [29] отмечает, что уже И. Франко на рубеже XIX–XX вв. фиксировал подобные прецедентные фразы из анекдотов, функционировавшие в крестьянской среде, напр.: «А як ти багатий, то тобі вільно в церкві свистати?» (из анекдота о глухом и губатом [30, с. 91]). В первом выпуске сборника И. Франко «Галицько-руські народні приповідки», изданном в журнале «Етнографічний збірник» [30], такие фразы зафиксированы, в частности, под №№ 1241, 1820, 1915, 2144, во втором [31] – 4 500 и т. д. Это свидетельствует о том, что влияние контекста беседы на воспроизведение анекдота (не только в тематическом, но и в композиционном отношении) традиционно для жанра.

Итак, анекдот в устном бытовании находится под влиянием характеристик участников беседы.

От адресанта требуются следующие умения: 1) театрализованно обыграть анекдот (жесты, мимика, интонация, ритм, речевые характеристики персонажей); 2) точно, сжато и лаконично подать пуанту; 3) приспособить при необходимости текст к особенностям аудитории и конкретной ситуации; 4) учесть возраст, пол, социальное положение, чувство юмора адресата и его эстетический уровень, от которых зависит отбор и приспособление текстов; 5) смеяться как над другими, так и над собой, удерживаться на грани между приличием и пошлостью; 6) отбирать оригинальные, новые тексты, еще не известные конкретной аудитории. Также рассказчику желательно иметь имидж шутника, анекдотчика.

Адресату необходимо обладать фоновыми знаниями, которые включают в себя знакомство с культурными и общественно-политическими реалиями, моделями построения анекдота и функциями основных персонажей, владение языком, на котором воспроизводится текст.

В отношениях между адресатом и адресантом желательны: 1) совпадение в системе оценок ситуации; 2) языковая, культурная, возрастная, социальная, гендерная, психологическая и эмпатическая идентичность.

В то же время особенности процесса рассказывания анекдота не сводятся лишь к сумме характеристик беседы и ее участников. Сам факт совместного смеха представляет ценность для смеющихся. К тому же, адресат может выступить в роли рассказчика следующего анекдота.

На основе полученных результатов (систематизированных особенностей устного функционирования анекдота) можно проводить исследования динамики функционирования жанра при освоении им новых форм бытования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Руднев В. П. Прагматика анекдота / В. П. Руднев // Даугава. – 1990. – № 6 – С. 99–102.
2. Шмелева Е. Я. Город в анекдоте / Е. Я. Шмелева // Живая старина. – 2011. – № 1. – С. 37–40.
3. Поздеев В. А. Психологическая идентификация автора/исполнителя в фольклорном творчестве : от архаики до фольклета / В. А. Поздеев, Е. В. Козлов // Интернет и фольклор. Сб. научных статей. – М. : Государственный республиканский центр русского фольклора, 2009. – С. 260–269.
4. Щурина Ю. В. Речевые жанры комического: коммуникативно-нормативный аспект / Ю. В. Щурина // Речевое общение (Теоретические и прикладные аспекты речевого общения). Специализированный вестник. – 2002. – Вып. 4 (12). – С. 103–108.
5. Радченко Д. А. Бородатый баян с лопатой: реакция на неактуальный текст в устной и сетевой коммуникации / Д. А. Радченко // Фольклор и этнография. К девятидесятилетию со дня рождения К. В. Чистова. – СПб. : МАЭ РАН, 2011. – С. 76–87.
6. Смолицкая О. В. Перформанс как жанрообразующий элемент советского анекдота / [Электронный ресурс] / О. В. Смолицкая // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. – Режим доступа : URL : <http://www.ruthenia.ru/folklore/smolitskaya1.htm>
7. Шишков С. М. Абсурдный анекдот в культуре / С. М. Шишков // Анекдот как феномен культуры. Материалы круглого стола 16 ноября 2002 г. – СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2002. – С. 139–147.
8. Неклюдов С. Ю. Фольклор современного города / С. Ю. Неклюдов // Современный городской фольклор. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2003. – С. 5–24.
9. Сурова Е. Э. По-ту-да абсурдность / Е. Э. Сурова // Анекдот как феномен культуры. Материалы круглого стола 16 ноября 2002 г. – СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2002. – С. 31–42.
10. Гнатюк В. Галицько-руські анекдоти / В. Гнатюк // Етнографічний збірник. – 1899. – Т. VI. – С. I–XII, 1–370.
11. Соколов Е. Г. (Русская) культура как феноменально-феноменологический анекдот / Е. Г. Соколов // Анекдот как феномен культуры. Материалы круглого стола 16 ноября 2002 г. – СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2002. – С. 116–128.
12. Бутенко И. А. Черный юмор в подростковом фольклоре / И. А. Бутенко // Педагогика. – 1993. – № 1. – С. 123–126.
13. Архив автора, записано 11.07.2013 г. от Анастасии Пугачевой, 1988 г. р., г. Днепропетровск, образование полное высшее, магистр Днепропетровского национального университета им. О. Гончара.
14. Аверченко А. Т. Пантеон советов молодым людям, или вернейшие способы, как иметь успех в жизни / А. Т. Аверченко. – Берлин : Арбат, 1924. – 91 с.
15. Курганов Е. Анекдот как жанр / Е. Курганов. – СПб. : Академический проект, 1997. – 123 с.

16. Фролова О. Е. Анекдот как отражение интересов пользователя / О. Е. Фролова // Интернет и фольклор. Сб. научных статей. – М. : Государственный республиканский центр русского фольклора, 2009. – С. 117–130.
17. Шмелева Е. Я. Русский анекдот: Текст и речевой жанр / Е. Я. Шмелева, А. Д. Шмелев. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 144 с.
18. Кімакович І. І. Новітній український анекдот як виклик ХХІ століттю: до питання про сутність сучасних способів обміну інформацією / І. І. Кімакович // Народна творчість та етнографія. – 2005. – №6. – С. 88–93.
19. Тэффи Н. А. Святой стыд // Тэффи Н.А. Собрание сочинений : в 5 т. – Т. 1. / Сост. И. Владимиров. – М. : Книжный Клуб Книговек, 2011. – С. 162–166.
20. Кожемякина О. Н. Доверие смеху в контексте современной трактовки проблемы культуры смеха / О. Н. Кожемякина // Studia culturae. Альманах кафедры культурологии и Центра изучения культуры философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета. – 2011. – Вып. 12. – С. 176–183.
21. Петрова Н. С. Неподцензурный советский фольклор в воспоминаниях заключенных Сиблага (1930–1940-е гг.) / Н. С. Петрова // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». – 2013. – № 2 (11), ч. 2. – С. 53–63.
22. Nikolaeva T. M. Ценностная ориентация клише и штампов в современной русской речи / Т. М. Nikolaeva, I. A. Sedakova // Revue des Études Slaves. – 1994. – Т. 66. – Fasc. 3. – pp. 607–625.
23. Фомичева Н. В. Прагматика белорусского народного анекдота / Н. В. Фомичева // Веснік БДУ. Сер. 4. – 2011. – № 3. – С. 51–54.
24. Мельниченко М. А. Советский политический анекдот 1918–1953 годов как исторический источник : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. ист. наук : спец. 07.00.09 «Историография, источниковедение и методы исторического исследования» / М. А. Мельниченко. – М., 2011. – 19 с.
25. Анекдоты из России [Электронный ресурс]. – Режим доступа : URL : <http://www.anekdot.ru/id/111681/>
26. Лендвай Э. Прагмалингвистические механизмы современного русского анекдота : дис. ... доктора филол. наук : 10.02.01 / Лендвай Эндре. – М., 2001. – 376 с.
27. Седов К. Ф. Основы психолингвистики в анекдотах. Современный народный анекдот как речевой жанр / К. Ф. Седов // Русский язык. – 1999. – № 12 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : URL : <http://rus.1september.ru/article.php?ID=199901202>
28. Шмелева Е. Я. Русский анекдот в двадцать первом веке: трансформации речевого жанра / Е. Я. Шмелева, А. Д. Шмелев // Жанры речи. Сб. научных статей. – 2005. – Вып. 4. – С. 292–298.
29. Пилипчук С. «Приступити до оцінки і означення того, що називаємо гумором українського народу...» : анекдотознавчий дискурс Івана Франка / С. Пилипчук // Вісник Львівського університету. Серія філологічна. – 2011. – Вип. 55. – С. 108–122.
30. Галицько-руські народні приповідки / Зібрав, упорядкував і пояснив др. І. Франко // Етнографічний збірник. – 1901. – Т. X, Вип. 1 (А–Відати). – С. 1–200.
31. Галицько-руські народні приповідки / Зібрав, упорядкував і пояснив др. І. Франко // Етнографічний збірник. – 1901–1905. – Т. XVI, Вип. 2 (Відати–Діти). – С. 201–600.

REFERENCES

1. Rudnev, V.P. (1990), "Pragmatics of the joke", *Daugava*, no. 6, pp. 99–102.
2. Shmeleva, E.Ya. (2011) "City in a joke", *Zhivaia starina*, no. 1, pp. 37–40.
3. Pozdeev, V.A., Kozlov E.V. (2009), "Psychological identification of the author/artist in the folklore from the archaic to the folknet", *Internet i fol'klor. Scientific collected works*, Moscow, Gosudarstvennyi respublikanskii tsentr russkogo folklor, pp. 260–269.
4. Shchurina, Yu.V. (2002), "Comic speech genres: communicative and normative aspect", *Rechevoe obschenie (Teoreticheskie i prikladnye aspekty rechevogo obscheniia)*. Spetsializirovannyi vestnik, issue 4 (12), pp. 103–108.
5. Radchenko, D.A. (2011), "Bearded Bayan with a spade: a reaction to not relevant text into the speech and the network communication", *Folklor i etnografiia. K devianostoletiiu so dnia rozhdeniia K.V. Chistova*, Saint Petersburg, MAE RAN, pp. 76–87.
6. Smolitskaia, O.V. "Performance as an important element for the formation of the genre of Soviet joke", *Folklor i postfolklor: struktura, tipologii, semiotika*, available at: <http://www.ruthenia.ru/folklore/smolitskaya1.htm> (access May 07, 2015).
7. Shishkov, S.M. (2002), "The absurd joke in the culture", *Anekdot kak fenomen kultury. Proceedings of the round table*, Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, November 16, 2002, pp. 139–147.
8. Nekliudov, S.Yu. (2003), "Folklore of the modern city", *Sovremennyi gorodskoi folklor*, Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, pp. 5–24.
9. Surova, E.E. (2002), "Po-tu-da absurdnost'", *Anekdot kak fenomen kultury. Proceedings of the round table*, Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, November 16, 2002, pp. 31–42.
10. Gnatiuk, V. (1899), "Galicia-ruski jokes", *Etnohrafichniy zbirnik*, Vol. 6, pp. I–XII, 1–370.
2. Sokolov, E.G. (2002), «(Russian) culture as a phenomenally-phenomenological joke», *Anekdot kak fenomen kultury. Proceedings of the round table*, Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, November 16, 2002, pp. 116–128.
3. Butenko, I.A. (1993), "Black humor in the teenage folklore", *Pedagogika*, no. 1, pp. 123–126.
4. Archive of the author, was written from Anastasia Pugacheva, 11.07.2013, 1988 year of birth, Dnepropetrovsk, higher education.
5. Averchenko, A.T. (1924), "Panteon sovetov molodym lyudyam, ili vernejshie sposoby, kak imet uspekhn v zhizni" [Pantheon of the tips for young people or the right ways to be successful in life], *izd-vo Arbat*, Berlin, Germany.
6. Kurganov, E. (1997), "Joke as a genre", *Akademicheskii proekt*, Saint Petersburg, Russia.
7. Frolova, O.E. (2009), "Joke as a reflection of the user's interests", *Internet i folklor. Scientific collected works*, Moscow, Gosudarstvennij respublikanskij tsentr russkogo folklor, pp. 117–130.
8. Shmelieva, E.Ya. and Shmeliev A.D. (2002), "Russkii anekdot: Tekst i rechevoi zhanr" [Russian joke: Text and speech genre], *Yazyki slavianskoi kultury*, Moscow, Russia.
9. Kimakovich, I.I. (2005), "Innovative Ukrainian joke as a challenge of the XXI century: the question of the nature of modern methods of information exchange", *Narodna tvorchist ta etnografiia*, no. 6, pp. 88–93.
10. Teffi, N.A. (2001), "Sviatoi styd", *Collected Works in 5 Vol.*, vol. 1, Knizhnyi Klub Knigovek, Moscow, Russia.
11. Kozhemiakina, O.N. (2011), "The credibility of the laughter in the context of modern treatment of the problem of culture of laughter", *Studia culturae, Almanakh kafedry kulturologii i Tsentra izucheniia kultury filosofskogo fakulteta Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, Iss. 12, pp. 176–183.
12. Petrova, N.S. (2013), "Uncensored Soviet folklore in the memories of prisoners Siblag (1930–1940)", *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii «Politologiya. Religiovedenie»*, no. 2 (11), part 2, pp. 53–63.
13. Nikolaeva, T.M., Sedakova, I.A. (1994), „Valuable orientations of cliches and stamps in the modern Russian language”, *Revue des Studes Slaves*, Vol. 66, Fasc. 3, pp. 607–625.
14. Fomicheva, N.V. (2011), "Pragmatics of Belarusian folkjokes", *Vesnik BDU*, Iss. 4. no. 3, pp. 51–54.
15. Melnichenko, M.A. (2011), "Soviet political joke 1918-1953 as a historical source", *Thesis abstract for Cand. Sc. (Historiography)*, 07.00.09, State Academic University for Humanities, Moscow, Russia.

16. Anekdoty iz Rossii [Jokes from Russia] available at: <http://www.anekdot.ru/id/111681/> (access May 07, 2015).
17. Lendvai, E. (2001), "Pragmalinguistic mechanisms of modern Russian joke", PhD thesis (Russian language), 10.02.01, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia.
18. Sedov, K.F. (1999), "Fundamentals of psycholinguistics in jokes. Modern folk joke as a speech genre", *Russkii yazyk*, no. 12, available at: <http://rus.1september.ru/article.php?ID=199901202> (access May 07, 2015).
19. Shmelieva, E.Ya. and Shmeliev A. D. (2005), "Russian joke in the twenty-first century: the transformation of a speech genre" *Zhanry rechii*, Scientific collected works, Iss. 4, pp. 292–298.
20. Pylypchuk, S. (2011), «"Start evaluation and definition of what is called humor of Ukrainian people...": discourse of joke-study of Ivan Franko», *Visnyk Lvivskoho universytetu. Serii filolohichna*, Iss. 55, pp. 108–122.
21. «Galician-Ruthenian folk bywords» (1901), collected, compiled and explained by Ivan Franko, *Etnografichnyi zbirnyk*, Vol. X, Iss. 1, pp. 1–200.
22. «Galician-Ruthenian folk bywords» (1901–1905), collected, compiled and explained by Ivan Franko, *Etnografichnyi zbirnyk*, Vol. XVI, Iss. 2, pp. 201–600.

УДК 821.111:82-31

ЕПІФАНІЯ ЯК «РАПТОВА ДУХОВНА МАНІФЕСТАЦІЯ» ІСНУВАННЯ ОСОБИСТОСТІ В НОВЕЛІ Е. МАНРО «WOOD» («ЛІС»)

Ботнер В.С., к. філол. н., доцент

Запорізький національний університет, вул. Жуковського, 66, м. Запоріжжя, Україна

botnerzp@mail.ru

У статті на прикладі новели Е. Манро "Wood" ("Ліс") проаналізована "раптова духовна маніфестація" існування особистості. Зростаючий інтерес до новітніх тенденцій у світовій англійській літературі змушує по-новому поглянути на національну літературу Канади, зокрема на творчість Еліс Манро, яка вважається визнаним класиком канадської англійської літератури, однією з найвизначніших сучасних авторів коротких оповідань, лауреатом Нобелівської премії в галузі літератури. Указується, що новела Е. Манро "Wood" ("Ліс") корелюється з жанровою особливістю, яка насамперед пов'язана з нововведенням, "запатентованим" Дж. Джайсом, – епіфанією (осіянням), "несподіваним поворотом" у сюжеті. У статті доведено, що Е. Манро, зберігаючи зовнішню форму традиційної психологічної малої прози, дотримується модерністської поетики, у якій панує стихія натяку, тобто авторка створює особливий тип "short story", в основі якої лежить не характер, а насамперед якась "епіфанічна ситуація осіяння", на яку реагують персонажі. Підкреслено, що "духовне прозріння", як у фокусі, концентрує почуття, думки, бажання головного героя Роя Фаулера, миті осіяння самого себе, свої долі. Епіфанія-осіяння стає своєрідним моментом катарсису героя. Відзначається, зокрема, що письменниця переносить дію у внутрішню сферу існування особистості свого героя, органічно підводить його до "зрушення у свідомості", моменту "прозріння", іншого розуміння "happiness" як сенсу свого існування. Також підкреслюється, що реальний факт і емоційний досвід у новелі "монтуються" за допомогою обдуманого стратегії оповідних засобів, вони розташовуються в кульмінаційній точці, у якій стають вершиною. Епіфанія як кульмінаційний момент твору провокує особливий фінал – завершення твору кульмінацією за відсутності розв'язки. Окрім того, у статті акцентується контрастне зіставлення двох планів (перший план пов'язаний зі світом реальності, встановленого порядку, несвободи, другий – зі світом мрії). У статті наголошено, що трагізм буття виявляється на рівні мотивів страждання через самотність, через розрив із землею та рідними, через нерозуміння та неприйняття оточуючими.

Ключові слова: модерністська поетика, епіфанія, психологічна новела, "раптова духовна маніфестація", трагізм буття.